

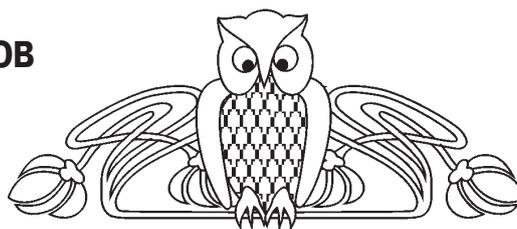
- ¹¹ См.: *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация : Исторический опыт. Иваново, 1994. С. 103.
- ¹² См.: *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России : Ее теория и практика. М., 1913. С. 14–15.
- ¹³ *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. 2-е изд. М., 1918. С. 93.
- ¹⁴ *Николаев А. А.* Теория и практика кооперативного движения. 2-е изд. Пг., 1919. Вып. 1. С. 32.
- ¹⁵ Там же. С. 35.
- ¹⁶ Там же. С. 52.
- ¹⁷ Термин «самодовлеющее общежитие» принадлежит П. А. Кропоткину.
- ¹⁸ См.: *Файн Л. Е.* Указ. соч. С. 105.
- ¹⁹ См.: *Маслов С. Л.* Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 14.
- ²⁰ *Анцыферов А. Н.* Указ. соч. С. 518.
- ²¹ *Тотомианц В. Ф.* Теория, история и практика потребительской кооперации. СПб., 1913. С. 359.
- ²² *Меркулов А. В.* Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 225.
- ²³ *Ляценок П. И.* Социальная экономия сельского хозяйства. Основные элементы экономики сельского хозяйства : в 2 т. М. ; Л., 1930. Т. 1. С. 379.

УДК 94(47).083

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОМИТЕТА ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ (1918 год)

Н. Н. Кабытова

Самарский государственный университет
E-mail: kabpetr@samsu.ru

В статье рассматриваются основные направления социальной политики Комитета членов Учредительного собрания, попытки решения рабочего и крестьянского вопросов в условиях Гражданской войны в России, анализируются причины конфликта между народом и властью.

Ключевые слова: Комитет членов Учредительного собрания, Гражданская война, Народная армия, эсеры, буржуазия, рабочие, крестьяне.

Social Policy of Committee of Members of the Constituent Assembly (1918)

N. N. Kabytova

In article the main directions of social policy of Committee of members of the Constituent assembly, attempt of the solution of working and country questions in the conditions of Civil war in Russia are considered, the conflict reasons between the people and the power are analyzed.

Key words: Committee of members of the Constituent assembly, Civil war, National army, members of Just Russia, bourgeoisie, workers, peasants.

Антибольшевистские квазигосударственные образования, возникавшие на территории России в 1918–1922 гг., в советской историографии рассматривались в общем контексте Гражданской войны. Историки анализировали военные операции Красной армии, причины ее побед и неудач, подчеркивали антисоветскую направленность действий белогвардейцев и сотрудничавших с ними оппозиционных большевикам сил. Описывая события на Восточном фронте в 1918 г., исследователи показали военно-политическую ситуацию, возникшую в связи с выступлением мятежного Чехословацкого корпуса и установлением в Поволжско-Уральском регионе власти

Комитета членов Учредительного Собрания (КОМУЧ)¹. Лидеры российской эмиграции первой волны, объясняя причины поражения КОМУЧа, отмечали отторжение большинством социума идей и практики «учредительской демократии»². В конце XX – начале XXI в. в историографии Гражданской войны на территории России стали изучаться не только вооруженные, но и политические силы, противостоящие Советскому государству. КОМУЧ характеризовался как первая попытка реализации «третьего пути» в противостоянии между «красными» и «белыми»³. Рассматривая процесс формирования вооруженных сил КОМУЧа, исследователи выявили причины непопулярности Народной армии у населения⁴. Анализируя перманентную борьбу за власть в 1918 г., историки отметили влияние КОМУЧа на усиление конфронтации общественно-политических сил⁵. В условиях повышенного внимания к генезису российской государственности исследователи КОМУЧа обратились к выявлению формы и прерогатив его властных структур⁶. Социокультурный портрет комучевских деятелей представлен в работах, посвященных судьбе Учредительного собрания в России⁷. Одновременно был обозначен и проанализирован путь развития властной парадигмы антибольшевистских сил по линии КОМУЧ – Директория – Колчак⁸. Комплексный анализ истории функционирования Комитета членов Учредительного собрания в 1918 г. позволяет поставить задачи изучения способов и методов социализации власти, обеспечивающих ее устойчивость или поражение.

Военно-политические события лета 1918 г., ознаменованные первым крупномасштабным наступлением сил белого движения против со-

ветской власти, способствовали превращению Средневолжского региона в эпицентр Гражданской войны. Огромная территория, граничащая с оренбургским и уральским казачеством, разнородная в национальном отношении, богатая хлебом и имевшая значительную прослойку зажиточных крестьян, идеально подходила по замыслу организаторов сопротивления власти большевиков для развертывания крупных военных операций против центра. Здесь было сильно влияние социалистов-революционеров, которые после Февральского переворота 1917 г. занимали многие ключевые посты во властных и общественных организациях. Свое отстранение от власти большевиками эсеры переживали очень болезненно и не упускали случая взять реванш.

Комитет членов Всероссийского учредительного собрания был сформирован после разгона большевиками Учредительного собрания. Первоначально ЦК партии эсеров планировал в качестве резиденции своей власти г. Саратов, но учредительской столицей стала Самара, находившаяся на линии движения Чехословацкого корпуса. 8 июня 1918 г. в Самаре против советской власти объединились представители белого движения, чехословаки и «демократическая» оппозиция. Цели у них были разные, а враг общий – большевики. Объявив советскую власть низложенной, КОМУЧ начал формировать в Самаре свои властные структуры. Пока депутаты съезжались в Самару, а правительство формировалось, охраной занимался военный штаб. Его деятельность носила репрессивный характер: производились бессудные расстрелы «советских красных», аресты недовольных новыми порядками, рабочих⁹.

Крайне противоречивой была социально-экономическая политика комучевцев, выступавших за демократию без социализма. Председатель КОМУЧа В. К. Вольский заявлял: «Не может быть и речи о каких бы то ни было социалистических экспериментах. Капиталистический строй не может быть уничтожен в настоящее время»¹⁰. Министр труда И. М. Майский утверждал: «До социализма нам в России еще далеко. Сейчас мы живем и долго будем жить в обстановке капиталистического строя ... я самый решительный противник большевистских социалистических опытов, сочувствую проводимой сейчас денационализации ... предприятий»¹¹. В течение первого месяца власти КОМУЧа была проведена национализация банков, восстановлены права на принадлежавшие ранее частным владельцам объекты недвижимости и предприятия. Были отменены твердые цены на хлеб, а вместо общероссийских рублей введены «раковки» (по имени министра финансов Ф. Ф. Ракова), которые не использовались населением в свободной торговле¹².

Особое внимание эсеры уделяли земельному вопросу. В декларации от 24 июля 1918 г. КОМУЧ заявил, что земля бесповоротно перешла в руки народа, возврата ее к помещикам он не допустит.

Приказом № 51 от 25 июня были восстановлены земельные комитеты, в задачи которых входило распоряжение землей. В то же время приказом № 124 от 22 июля 1918 г. утверждалось право сбора урожая озимых «как в трудовых, так и нетрудовых хозяйствах тем, кто их произвел»¹³. На практике это означало возврат к поземельным отношениям 1917 г., до «Декрета о земле». В июле 1918 г. в Самаре проходил съезд богатейших судовладельцев и торгово-промышленных предпринимателей Поволжья. Надежды комучевцев на поддержку крупной буржуазии не оправдались – им не только не выделили средств, но и ничего не обещали. Городские думы, восстанавливавшие в правах владельцев недвижимости, налогов с них еще не получали и также не имели возможности поддерживать учредительскую власть финансами.

После захвата комучевцами Казани, несмотря на реквизицию части находившегося там золотого запаса России, в августе 1918 г. проявился внутренний кризис КОМУЧа. 5 августа 1918 г. в Самаре проходил съезд делегатов от 17 крупных организаций ПСР из регионов Поволжья, Урала и Сибири, где были отмечены глубокие разногласия между учредительцами, белыми офицерами и казаками. 16–24 сентября 1918 г. состоялся VI Самарский губернский крестьянский съезд, на котором присутствовало 230 депутатов и принял участие лидер эсеров В. М. Чернов, выступивший с докладом по аграрной политике власти. В прениях крестьянские делегаты резко осудили политику эсеровского руководства, потребовали прекратить гражданскую войну и репрессии против населения за нежелание служить в Народной армии¹⁴.

Еще большую неразбериху внесли земства, которым было вменено в обязанность урегулирование земельных отношений и решение продовольственного кризиса. Взыскать сборы с фактических хозяев земли, крестьян, земские самоуправления были не в состоянии без применения против них вооруженной силы. К тому же и бывшие владельцы земли, будучи не в состоянии собрать самостоятельно посеянный хлеб, передавали право на урожай Хлебному совету. Тот посылал в деревню вооруженные отряды, заставлявшие крестьян собирать урожай в пользу Народной армии, выплачивая бывшему владельцу оценочную стоимость урожая. Такая политика уравнивала комучевских демократов с коммунистами и не сулила им поддержки крестьянского большинства. Восстановление земского самоуправления крестьяне восприняли в основном индифферентно, но были случаи и отставания советской системы. После отмены 27 июня 1917 г. хлебной монополии несколько оживился рынок и прекратился отток продуктов за пределы губернии¹⁵. Однако обойтись без регулируемого продовольственного снабжения не могли ни армия, ни безработные, а вскоре и те рабочие и служащие, которым из-за финансовых трудностей правительства нечем стало платить

зарплату. Между тем приближалась пора уборки урожая, он был в 1918 г. хорошим, но взять его у крестьян можно было лишь силой. Земства, прибегнувшие к этой силе, становились, таким образом, проводниками антинародной политики. В некоторых местах крестьяне заявляли, что форму власти они менять не собираются, их и Советы устраивают. В сельской местности вообще стремились к самоопределению, сравнивая различные властные структуры и примеряя их к своим нуждам. Агитатор КОМУЧа сообщал о своей командировке в Николаевский уезд: «В с. Волчанке Колокольцовской волости состоялось совместное собрание членов бывшего волостного совета. Совет отказался самоликвидироваться и передать дела земству». То же самое было в деревне Дергуновка. «Ссылаются на волю народа», несмотря на «настойчивые указания», как отмечалось в отчете¹⁶.

Уполномоченные и агитаторы КОМУЧа в своих докладах с мест отмечали: «Мужики нередко голосуют в пользу большевиков ... не дают призываемых ... Деревня стала неузнаваемой, сейчас в рабочую пору народ митингует. Появились приговоры: гражданской войны не хотим, солдат для борьбы с большевиками не дадим»¹⁷. В некоторых «деревнях старосты боятся даже составлять списки призывников», и не зря: в одном из сел Бузулукского уезда был убит вербовщик С. Цодиков, причем убийцу так и не нашли¹⁸. В такой ситуации комучевские уполномоченные стали силой реализовывать приказы власти. В деревню посылались «особые воинские отряды» и казаки, которые арестовывали и часто расстреливали бывших членов советов, крестьян пороли, если те отказывались выполнять распоряжения о мобилизации. Для острастки крестьян пробовали применять даже пушки¹⁹. Однако подобные методы вызвали еще большее сопротивление крестьян теперь уже не только мобилизации запасных, но и всей системе комучевской власти. На сельских сходах принимались решения: «Восстать и вооружиться чем попало», «Не вывозить хлеб, муку, сено и другие продукты в Самару». Были призывы «охранять село от чехословаков и другого наемного войска»²⁰. Сломить сопротивление крестьян силой самарскому правительству не удалось, так как его возможности по созданию карательных отрядов и посылки их в деревню были ограничены. К тому же это был не лучший вариант взаимоотношений власти и народа. Демократы и сами возмущались «эксцессами», возникавшими в ходе проведения карательных операций. После этого военные перестали с ними считаться.

Несколько лучше мобилизационные мероприятия осуществлялись в городах, где была организована широкая сеть административных учреждений, выполнявших эту работу. Губернские и уездные уполномоченные, воинские начальники и коменданты гарнизонов, штабы охраны

(контрразведка), милиция, квартальные советы – все эти структуры были обязаны обеспечивать доставку на сборные пункты лиц, подлежащих призыву. Однако большинство поставленных под ружье молодых горожан было из семей рабочих, ремесленников, мещан, также не желавших участвовать в братоубийственной гражданской войне. Все это приводило к массовому дезертирству из Народной армии молодых солдат рабоче-крестьянского происхождения. Укрепление воинской дисциплины и использование приказных методов в управлении гражданскими делами прослеживались с самого начала деятельности КОМУЧа. Они особенно усилились в связи с сопротивлением рабочих и крестьян репрессивным мероприятиям власти. Запретив «всякие добровольные расстрелы», КОМУЧ, тем не менее, наделил широкими полномочиями штаб охраны, в задачи которого входила «охрана новой власти от всяких активных против нее выступлений, в какой бы форме они ни проявлялись»²¹.

Все ущемленные при советской власти поспешили воспользоваться благоприятной ситуацией для сведения счетов с экспроприаторами. Социалистическое правительство КОМУЧа не смогло урегулировать непримиримых социальных противоречий, хотя и пыталось ходатайствовать об освобождении из тюрьмы некоторых бывших соратников по революционному фронту. В то же время рядовые красноармейцы, защищавшие город и брошенные на произвол судьбы бежавшими руководителями, были схвачены на улицах Самары с оружием в руках и многие из них расстреляны или растерзаны толпой. Арестованных подвергали селекции не только по партийному, социальному, но и по национальному признаку. Очевидцы так описывали события во время вступления чехов в Самару 8 июня 1918 г.: «Партию за партией вели чехи пленных (с Волги) по ул. Л. Толстого к Самарке через вокзал ... пленных мадьяр и латышей отделяли от русских. Я спросил чеха, для чего это делается, он самодовольно ответил: «Русских мы не расстреливаем, ибо они обмануты большевиками, а латышей, мадьяр и комиссаров не щадим»²².

Ожесточение, свойственное любой гражданской войне, способствовало осуществлению репрессивной политики со стороны комучевской власти. Некоторые структуры этим правительством и вовсе не контролировались. Арестами руководили «штаб охраны» (во главе которого стоял Хрунин) и «контрразведка» во главе с чешским капитаном Глинкой. Его помощниками были Журавский (чех), Босаяцкий (русский) и Данилов (бывший полицейский пристав 3-го участка г. Самары). В качестве агентов «работали» чехи, японцы, татары и несколько русских. Кроме «штаба охраны» и «контрразведки» налеты на квартиры и обыски самостоятельно производили еще и казаки²³. В тюрьме, рассчитанной на 800 человек, после чехословацкого переворота находилось до 2 300 человек. Сидели по 3–4 в одиночках. Пища в

тюрьме вначале была очень плохая. Хлеба давали мало, и голодные заключенные из окон кричали на улицу, чтобы им приносили съестного. Тюремщики из «штаба охраны» и «контрразведки» брали также взятки. Существовала «своего рода такса. За освобождение комиссара (под эту рубрику подходили и те, кто были простыми служащими в советских учреждениях) брали 1 500–2 000 руб., за освобождение простых смертных – 1 000 руб.». В этих условиях «бессильна была следственная комиссия при Комитете, составленная из бывших юристов, бессильны были общественные организации, хлопотавшие за арестованных»²⁴.

На периферии, в удалении от комучевского правительства, царил полный произвол, аресты производились всеми, кто хотел, – контрразведкой, начальниками милиции, комендантами, казаками. Военно-полевые суды активно вмешивались в судопроизводство над гражданскими лицами, производили самовольную расправу. Сопротивлявшихся мобилизации крестьян загоняли в Народную армию всеми способами. «В Бузулукском уезде, например, казаки окружили деревни, которые не желали выдать рекрутов, родителей пороли, а рекрутов часто расстреливали». Например, 19 августа 1918 г. на сахарный завод при селе Богатое «прибыл отряд солдат народной армии под начальством штабс-капитана Белькина ... 19 вечером и в особенности 20 утром ... арестованных клали вниз лицом на специально разостланный для этой цели брезент и «вкладывали» 20–25 ударов нагайкой ... Били молодых парней (как видно новобранцев), били пожилых рабочих и крестьян, года которых еще не призваны, и били женщин, которые ... не могли иметь какого бы то ни было отношения к призыву новобранцев»²⁵.

Подобная расправа еще больше дискредитировала идеи демократии, пропагандируемые эсерами. Вместе с ними в ходе комучевского эксперимента потерпело окончательный крах земское самоуправление. Напротив, советы, оказавшиеся гонимыми, стали привлекательнее для масс. В связи с этим «в руководстве КОМУЧа зрела мысль о приходе деловых людей, хотя бы они были склонны к реакции. На фоне дезорганизации и раздачи общественных постов людям партийным независимо от их способностей и недовольства духом нового государственного аппарата со стороны народа сама мысль о приходе к власти “людей порядка” не казалась никому невозможной». Один из лидеров КОМУЧа Е. Е. Лазарев с горечью признавал: «После левой крайности большевизма настал поворот круто вправо, особенно в тех слоях, которые наиболее потерпели от гонений большевиков, идея демократии снова очутилась в опасности»²⁶.

Социально-экономическая политика КОМУЧа неизбежно носила двойственный характер. Комитет всеми силами пытался восстановить экономику края, но, не желая прибегать к диктаторским методам управления, не смог справиться

с поставленной задачей – решить финансовый, продовольственный, рабочий и крестьянский вопросы. Определенных успехов достигло комучевское правительство в организации народного образования, считая, что «пролитая в борьбе против большевиков и немцев кровь будет напрасной, если страна лишится образованного потомства». Оно обязало освободить «все школьные и библиотечные помещения, занятые военными, правительственными и общественными организациями»²⁷. Около половины всех средств, отпущенных земствам, было истрчено на ремонт школ, покупку учебников и выплату жалования учителям. 10 августа 1918 г. был учрежден Самарский университет. Мероприятия культурно-просветительного плана находили поддержку всех слоев населения и политических структур, функционировавших на территории, подвластной КОМУЧу.

Рассматривая социальную политику КОМУЧа в период его четырехмесячного правления, необходимо отметить ее противоречивый характер. Попытки поиска «третьего пути» между «белыми» и «красными» в России периода Гражданской войны были обречены на провал. Не предложив внятной программы социальных преобразований в интересах большинства, правители КОМУЧа оказались властью без народа, который вновь качнулся в сторону большевиков.

Примечания

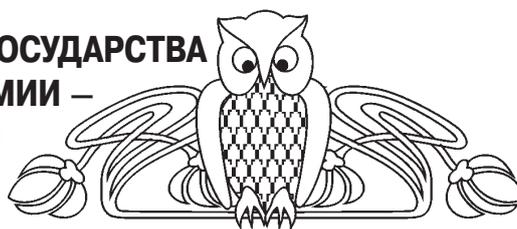
- 1 См.: Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974 ; *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974 ; *Литвин А. Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972.
- 2 *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге // Кабытов П. С., Курсков Н. А. Вторая русская революция : борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.) Самара, 2005.
- 3 *Калягин А. В., Парамонов В. Н.* «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского КОМУЧа). Самара, 1995.
- 4 См.: *Медведев В. Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998.
- 5 См.: *Кабытова Н. Н., Кабытов П. С.* В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917–1920 гг.). Самара, 1997.
- 6 См.: *Лапандин В. А.* Комитет членов Учредительного собрания : структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 гг.). Самара, 2003.
- 7 См.: *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного Собрания : портрет в интерьере эпохи : в 2 ч. М., 2008. Ч. 2.
- 8 См.: *Переверзев А. Я., Кулешов О. С.* Комуч. Директория. Колчак : Антисоветский лагерь в гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003.
- 9 См.: Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

- ¹⁰ Вечерняя заря (газета). Самара. 1918. 15 авг.
¹¹ Наша жизнь (газета). Самара. 1918. 28 авг.
¹² См.: Кабытова Н. Н., Кабытов П. С. Указ. соч. С. 31.
¹³ Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918.
¹⁴ См.: Переверзев А. Я., Кулешов О. С. Указ. соч. С. 182.
¹⁵ См.: Калягин А. В., Парамонов В. Н. Указ. соч. С. 17.
¹⁶ См.: Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1972. С. 174.
¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1с. Д. 5. Л. 33.
¹⁸ См.: ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1с. Д. 4. Л. 94.
¹⁹ См.: Матвеев М. Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997. № 7. С. 173.
²⁰ Самарская губерния в годы гражданской войны. Куйбышев, 1958. С. 61–63.
²¹ Медведев В. Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918–1919 годах. Ульяновск, 1995. С. 143.
²² Четыре месяца Учредилощины. Самара, 1919. С. 62.
²³ См.: Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974. С. 60.
²⁴ Там же. С. 48.
²⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны. С. 61–63.
²⁶ Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). С. 177.
²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

УДК 34(091) (470) "1939/1940"

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИИ – УЧАСТНИКОВ СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия,
E-mail: istoriya2@yandex.ru

В статье доказывается, что неудачи в советско-финской войне 1939–1940 гг. государственное и политическое руководство СССР пыталось списать на советских военнопленных, оказавшихся в финском плену. Отношение государства и его высокопоставленных лиц к военнослужащим, попавшим в финский плен, характеризовалось антигуманностью, чудовищным пренебрежением к человеческой жизни, отсутствием желания объективно разобраться в каждом факте пленения советского военнослужащего, его поведении в плену. Судьба пленных решалась не по Закону, а на основании личных указаний и распоряжений Сталина и Берия. Незаконным осуждением значительной части советских военнослужащих, оказавшихся в финском плену, был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в годы Великой Отечественной войны оказался в плену, но уже немецком.

Ключевые слова: советско-финская война 1939–1940 гг., жертвы тоталитарной системы, военнопленные Красной армии, механизм проверки военнопленных, послевоенная судьба советских пленных, И. Сталин, Л. Берия.

Repressive Policy of the Soviet State and Destiny of Prisoners of War of Red Army – Participants of the Soviet-Finnish War of 1939–1940

A. F. Bichekhvost

In the article it is proved that in the Soviet-Finnish war of 1939–1940 the state and political management of the USSR tried to write off failures on the Soviet prisoners of war who have appeared in Finnish to captivity. The relation of the state and its high-ranking officials to the military personnel, got to the Finnish captivity, was characterized by antihumanity, monstrous neglect to human life, absence of desire objectively to understand each fact of capture of the Soviet

serviceman, his behavior in captivity. The destiny of the captured was solved not on the basis of the Law, and on the basis of personal instructions and Stalin and Beria's orders. Illegal condemnation of a considerable part of the Soviet military personnel who has appeared in Finnish to captivity, created precedent for further punishment of those who in days of the Great Patriotic War appeared in captivity, but already in German.

Key words: Soviet-Finnish war of 1939–1940, victims of totalitarian system, prisoners of war of Red Army, mechanism of check of prisoners of war, post-war destiny soviet captured, I. Stalin, L. Beria.

В отечественной истории новейшего времени незаметно прошла одна из памятных дат – 70-летие завершения советско-финской войны 1939–1940 гг. – «зимней», «северной» или «незнаменитой» войны. На долю советских военнослужащих, вовлеченных в боевые действия и оказавшихся в плену у финнов, выпало суровое испытание «справедливостью» сталинских установок, определявших отношение к военнопленным как преступникам и изменникам Родины. О трагической судьбе бывших узников финского плена, многие из которых стали заключёнными ГУЛага, написано немного. Рассекречивание в последние годы архивных документов, хранившихся в режиме особой секретности, и их публикация дают возможность полнее раскрыть историю противоправных и преступных действий Берия и его подручных в отношении военнослужащих Красной армии, прошедших через финский плен, показать трагическую судьбу многих из них.

Как справедливо отмечает Д. Д. Фролов, несмотря на то что после окончания «зимней войны» прошло уже немало лет, мы до сих пор не знаем точного количества пленных¹. Из приведенных